

**Псы
ЕГИПЕТСКИЕ**

ВАЛЕРИЙ ЛИСИЦКИЙ

Валерий Лисицкий

Псы египетские

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73549108

SelfPub; 2026

Аннотация

Бурлацкая артель тянет по Волге странную барку, и их поход постепенно превращается в путешествие в потусторонний мир, где ничего не значат ни время, ни расстояние, ни даже смерть.

Валерий Лисицкий

Псы египетские

– И вот пришла ж охота в самое пекло-то тащиться...

Яков вытер пот со лба рукавом и, шурясь от солнечных бликов на поверхности Волги, окинул взглядом тяжело просевшую барку. Лоцман, чернявый, длинноволосый, бровастый, с обезьяньей ловкостью вскарабкался на мачту и принялся ковырять что-то ножом. Яков сплюнул:

– Тьху, цыган...

– Яшка! Яшка! – донёсся от реки густой бас. – Прирос к берегу? Иди окунись, полегчает!

Тряхнув головой, Яков покачнулся, будто в нерешительности и, перескочив скинутую лямку, по острым камням помчался к воде. Вбежал, подняв тучу брызг, в прозрачную, тёплую в разгар лета Волгу, вдохнул поглубже и как был, одетый, нырнул. Под водой он с силой растёр лицо ладонями, взъерошил волосы, поскрёб саднящий загривок и замер, наслаждаясь прикосновениями воды. Она мягко утешила раны на босых стопах и уняла боль в намятой груди. Яков потерпел, пока в лёгких оставался воздух, и вынырнул, отфыркиваясь и жадно вдыхая ртом.

– Тьфу, оглашенный... – заворчали артельщики. – Бороду отрастил, а умишка как у дитяти...

Яков не слушал. Он, покачиваясь, выбрался на берег и по-

шёл подальше от реки, к деревьям, чтобы разложить костёр в тени раскидистого клёна. С шишки станется дать в лоб деревянным половником, если зазеваешься с приготовлением каши.

Мужики подтянулись следом. Расселись вокруг едва затеплившегося костра, вытянули ноги, наслаждаясь недолгим отдыхом. Яков исподтишка разглядывал товарищей. Всех в артели он ещё запомнить не успел. Лица вроде знакомые, а вот имена к ним почему-то никак не желали приклеиваться. Вот этот детина, почёсывающий густо заросшую русыми волосами грудь, – это Степан или Михаил? Или Михаил – вон тот мужик с проседью на висках?

Запомнились Якову только шишка, Иван Васильевич, да два подшишечника, Демьян и Данила. Подшишечники – оба дюжие, могучие, как богатыри из бабкиной сказки, степенные и неторопливые. Шишка же, напротив, сухой и вертлявый, с жиденькой бородкой, длинным кривым носом и злыми глазками, но силищи невероятной. Ещё выделялся из толпы Федоська-каторжанин. Этот выглядел типичным пьяницей, коим и являлся. Оплату Федоська выклянчил у шишки вперёд да пропил ещё до того, как они вышли, едва добрался до ближайшего кабака, и теперь не работал, а отрабатывал.

– Иван Василич, – обратился к шишке Демьян, ковыряя размокшую мозоль на пятке. – Мож, зря мы это, а? Взялися?

– Взялся за гуж... – коротко ответил старший в артели и замолчал, не договорив.

Демьян запыхтел, завозился, и переключил внимание на Якова.

– Эй, Яшка! Когда жрать будем?

– Да никогда, не жрать собрались, а работать... – по привычке отшутился кашевар и тут же прикусил язык, вспомнив: не на Дону, где многое прощалось. Но было уже поздно.

– Чего сказал?! – Демьян живо подтянул ноги и приподнялся с места. – А ну, повтори, собака!

Данила завозился, вставая следом. Эти двое, хотя умишком оба и не вышли, знали: нельзя по одному, только вместе. Так и бить, и битыми быть легче. Но кое-что знал и Яков. Например, что прощения просить и отступать нельзя, иначе не будет никакого уважения. Поэтому и он поднялся навстречу, перехватив половник поудобнее. Хоть и смешное, а оружие.

– Сели, – тихо обронил шишка и тут же добавил чуть громче: – Сели, сейчас, ну! Все трое!

Яков дождался, пока не усядется Данила, и только после этого вернулся на землю. Садиться первым также было нельзя: решили бы, что рад от драки убежать.

– Коли человек с нами лямку тянет, – продолжил Иван Васильевич, – так уж он наш. Нечего тут. А ты, – он перевёл тяжёлый взгляд на Якова, – поменьше болтал бы да получше работал.

Наступила тишина. Вода в котелке тихонько забулькала, и Яков сыпанул в неё крупы, прикинув, чтобы остатков хватило на неделю: артельщики обещали, что там как раз появит-

ся деревня – и можно будет пополнить запасы.

Яков знал, что бурлаки часто поют на привалах, но в этот раз мужики предпочли молча наблюдать, как он ножом кромсает сало на тонкие полоски, прежде чем бросить в кашу, и делит хлеб, ровно по кусочку на каждого. Его на миг укололо раздражение: кашеварить поставили, а сами, ишь, проверяют, всем ли честно достанется... От невесёлых мыслей его отвлёк голос старика, который в артели впрягался в лямку последним. Он был слабее всех, но опыта ему было не занимать, а вместе с тем и умения видеть, кто работает в полную силу, а кто бережётся, отлынивая.

– А Демьянка-то прав, Вань, – обратился он к шишке негромко. – Сказать не умеет, а прав. Не по-людски тут всё.

– Что тебе не по-людски, дядька Захар? – поморщился глава артели.

– Да всё. Плотника не видать, лоцман – басурман какой-то, без креста православного, куда иттить надо – не сказывают, котелок да жратву, вон, сами ташшим, к барке и приближаться нам запретно. Да и вышли-то, прости Господи, на Пятидесятницу, мал того, что в самую пеклу, так ишшо и праздник светлый...

– Так и не пошёл бы. – меланхолично отозвался Иван Васильевич, пожимая плечами, и обвёл артельщиков холодным колючим взглядом, от которого выюжный морозец бежал по спинам. – Плата-то вчетверо против обычной всем нравится, да? А работать, гляжу, не очень. Кто ещё пасть откроет, что

не по-христиански тут всё – враз вломлю, уяснили? Деньги вперёд уплачены, по рукам ударили. И болтать тут не о чем.

Повисла холодная пустая тишина, только побулькивал котелок на костре. Яков беззвучно распустил завязки на сумке, которую таскал на плече, и выудил оттуда ложки: простые, деревянные, без узоров и украшений. Первую протянул шишке:

– Не обессудь, Иван Василич, попробуй.

Пока глава артели, поглаживая жиденькую, порыжевшую от табака бороду, дул на варево, Яков успел живо раздать ложки и остальным: дядьке Захару, кивнувшему благодарно, Демьяну с Данилой, которые будто и не разглядели, что их им живой человек подаёт, а затем и остальным.

– Каша добрая вышла. – кивнул Иван Васильевич. – Добрая, добрая.

Мужики заработали ложками, по очереди окуная их в котелок, и потекли обычные для бурлацкой артели беседы: о жёнах и ребятишках, о хозяйстве, о будущей дороге. Яков в разговоре не участвовал. Не только потому, что на Волге был пришлым, а там, откуда явился, на далёком Дону, не оставил ничего, к чему хотелось бы вернуться. Сощурившись от яркого света, он глядел на фигурку лоцмана, застывшего на носу барки. Басурманин стоял, раскинув руки и подставив солнцу широкую грудь и лицо. Что-то подсказывало Якову, что мужчина молится, хотя ничто на это и не указывало. Спрашивать мнения у окружающих он не решался и

лишь молча обсасывал ложку, дожидаясь своей очереди зачерпнуть из котла.

После обеда накатила сонливость. По мышцам разлилась приятная саднящая слабость, голова отяжелела, но времени на отдых не было – кто кашеварил, тот и котёл моет. Так что Яков, осоловело глядя на речной простор, размеренно скрёб котелок, набрав в свёрнутую тряпицу песочка. Занятие было скучное, усыпляющее, но взгляду не за что было зацепиться, чтобы прогнать ленивую одурь. Мужики тихонько курили в тени, цыган продолжал стоять на носу барки, уже, правда, опустив руки и в расслабленной позе.

– Пожрать бы сходил, ирод... – пробормотал Яков и едва не сплюнул, не подумав, в воду, но в последний миг сдержался.

– Яшка!

Дядька Захар приблизился к нему тихо, словно кот, заставив вздрогнуть.

– Здоров, дядька Захар! Котелок скоблить подсобить решил?

Шутка снова сорвалась с языка прежде, чем он успел как следует подумать, стоит ли она того, чтобы быть произнесённой. Но старик не обиделся. Засмолил папироску, чиркнув спичкой о заскорузлый ноготь на большом пальце, и проворчал беззлобно:

– Мне бы кто подсобил. С шашнацати лет лямку тяну, каждую весну да осень. Уж подумать-то страшно, сколько год-

ков тута топчусь. Туда да оттеда, туда да оттеда. Так она, Яшка, жизнь и проходит. Устал как собака.

Дядька Захар коротко перекрестился и махнул рукой.

– Так чего ж снова впрягся? – решив, что старик не прочь поболтать, поинтересовался Яков.

– Внучок у меня жаниться надумал. Надо бы подмогнуть, монеток-то молодым подкинуть.

Якову в голову пришла мысль, что, раз внучку так надо – мог бы и сам лямку накинуть, но тут у него хватило ума промолчать. В семейные проблемы лезть – последнее дело.

– За деньги, значит?

Дядька Захар рассмеялся:

– А ты, нешто в охотку?

Яков с улыбкой покачал головой, вертя котёл, наполовину погружённый в воду. Мелкие рыбёшки заметались серебряными стрелками в мутной воде, вылавливая кусочки пищи.

– Вот ото ж! – заключил старик и мигом посерьёзнул. – Ты, Яшка, лямку-то когда накидываешь, ты енто от так от делай... – он пошевелил плечами странными круговым движением. – Чтобы улеглася она, лямка-то. А не то закончисся, покуда дотопаем-то. Понял?

Яков не очень понял, но на всякий случай кивнул головой.

– От так ота! – повторил старик и снова повёл плечами. – От так! И не боись. Иван-то мужик не злой. Грубый, но не злой. У него, знаешь, тоже история-то. Он ить монахом был...

– А ну, – долетел от деревьев зычный голос главы артели. – Впрягайся, молодцы, чего рассиживаться! Яшка, Захар, кончайте там, пора!

Яков торопливо вытряс остатки воды из котелка и быстрым шагом пошёл обратно. Дядька Захар не торопился, но и не задерживался настолько, чтобы из-за него промедлили другие.

Закинув сумку на плечо, Яков накиннул лямку и, как учил старик, повёл плечами. Легче вроде не стало, но краем глаза он заметил, как дядька Захар одобрительно качнул головой. Поднялся якорь, течение подхватило барку, и трос, который бурлаки, будто в насмешку, называли нитью, натянулся, оттягивая мужиков назад. Острые камни впились Якову в ступни, заставив поморщиться.

– И-эх, окаянная! – зычно выкрикнул Иван Васильевич, и артель отозвалась дружным утробным вздохом.

Мужики разом погрузнели, наклонились вперёд, налились весом, будто не людьми были, а сказочными великанами. Яков постарался подражать им, лёг на лямку, доверяя ей удерживать его от падения.

– А ну, молодчики, давай! – пробасил шишка, делая первый шаг.

– И-эх! – отозвались подшишечники.

Артельщики шагнули вперёд правой ногой, как один подтянули левую.

– Ну, родные, пшла!

– И-и-иэх!

Второй шаг дался проще, но не сильно. Яков закрыл глаза и стиснул зубы.

– Хо-о-одчеее!

– Ух!

Что-то запульсировало в правом виске, натянулось в животе, выступило потом под мышками.

– О-о-ой, ребята, плохо дело! – затащил Иван Васильевич, заставив Якова вздрогнуть.

– Наша барка на мель села! – грянули артельщики в ответ.

– Ой, ребята, собирайся!

– За верёвочку хватайся!

Этой песни Яков не знал, как и многих, почти всех других. Но с ней шлось проще и бодрее, не так сложно было шагать правой и подтягивать левую.

– Чтоб прибавить барке ходу!

– Побросаем девок в воду!

Яков чувствовал, как барка за его спиной задвигалась, смещаясь в сторону, – лоцман повёл её на глубину. Скоро она встанет правильно – давление на плечи и грудь чуть ослабнет.

– Чтобы барка шла ходчеее!

– Надо лоцмана по шее!

– А ну пошла! – без перехода выкрикнул шишка.

– И-эх! – что есть мочи выкрикнул Яков вместе с остальной артелью.

– Ухнем!

– Ух! – выдохнул он откуда-то из самых глубин души.

И барка, казалось, легче заскользила по просторам Волги.

Через три дня Яков привык считать: раз, два, три...

Он шагал, тягая лямку: раз, два, три...

Он скрёб котелок мокрой тряпицей с песком: раз, два,

три...

Он поднимался с камней, на которые падал лицом: раз – приподняться на руках, два – подтянуть ноги, три – выпрямиться в полный рост.

И снова шагать: раз, два, три...

На третий день на привале, когда Яков помешивал кашу в общем котле (раз, два, три...), Иван Васильевич подсел к нему и, глядя в костёр, произнёс:

– Яшка! Ты, песий сын, слушаешь, когда я считаю?

Яков промолчал, только глянул на шишку удивлённо. Тот насупился, сжал кулаки и стиснул челюсти.

– Яков! Слышь, что я говорю? Когда считаю, слушаешь?

– Какой там слушать... – пробасил Демьян. – Яшка ни ухнуть, ни шагнуть, ни пёрнуть со всеми в лад не может.

Над артелью, сидящей вокруг костра, раздался взрыв хохота, тут же раздавленный взглядом Ивана Васильевича. Только Демьян и Данила продолжали улыбаться как ни в чём ни бывало.

– Я в лад шагаю, Иван Василич, – пробормотал Яков. –

Слышу же.

– А вся артель – не в лад? Так выходит?

Яков растерянно огляделся по сторонам. Мужики в основном отводили глаза, прямо на него глядели только шишка с подшишечниками, дядька Захар да быстро моргающий красными распухшими веками Федоська.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.